

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ГОРНОЗАВОДСКИХ ЛЕСНИЧИХ НА УРАЛЕ В XVIII ВЕКЕ

Система запретительных мер по пресечению расточительного потребления древесины в народном хозяйстве, введенная в начале XVIII века, не дала положительных результатов. В связи с этим потребовалось создание новых социальных институтов, которые должны были обеспечить защиту государственных интересов и контроль за использованием лесов. Учреждение особого ведомства, занимавшегося охраной лесов, стало принципиально новым явлением для русского государства.

Создаваемой лесной администрации для эффективного функционирования требовались квалифицированные кадры, так как специальных лесных учебных заведений не было, первоначальное комплектование проводилось из наиболее привилегированной части общества – дворян.

Первым шагом в этом направлении стало издание указа о создании «Вальдмейстерского отделения» при Адмиралтейств-коллегии. Согласно его положениям, были введены должности для особых лесных чиновников, обеспечивавших «надзор за лесами»: Обер-вальдмейстер (высший надзиратель лесов), вальдмейстеры (надзиратели лесов) и унтер-вальдмейстеры. Обер-вальдмейстер осуществлял общее руководство, возглавляя Вальдмейстерскую контору. Ему подчинялись вальдмейстеры и унтер-вальдмейстеры. Все они

назначались из среды помещиков, чьи имения находились в соседстве с «заповедными» лесами¹.

Иерархия лесных служащих – вальдмейстеров была закреплена в «Табели о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных», изданной 24 января 1722 года. Этот документ в своем первоначальном виде установил иерархию должностей, а не чинов. Согласно «Табели о рангах» ранг высшего лесного надзирателя, находившегося в должности обер-вальдмейстера, стал соответствовать V классу. Ранг вальдмейстера – VIII классу².

В ходе решения поставленных Петром I задач по выявлению и сохранению строевого леса стало очевидно, что дальнейшее развитие других важнейших отраслей хозяйства, уральской промышленности в том числе, тоже требуют значительных объемов лесных ресурсов, и определенной регламентации их использования.

В начале 20-х гг. XVIII века ряд положений «Обер-вальдмейстерской инструкции» был осуществлен на горнозаводском Урале, хотя изначально этот документ предназначался для «сбережения корабельных» лесов. В частности, В.Н. Татищев в 1722–1723 гг.

¹ Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 35-37.

² ПСЗ. Т. 6. № 3890.

назначил дворян на должности лесных надзирателей – вальдмейстеров на Уктусский, Алапаевский и Екатеринбургский заводы¹.

Создание в России в первой четверти XVIII века вальдмейстерского ведомства привело к спросу на специалистов лесохозяйственного дела. Но в русском государстве еще не было учебных заведений для их подготовки. Поскольку Россия еще не обладала опытом по созданию учреждений надзора за лесами, обратились к западноевропейскому опыту, об этом говорит прямое заимствование немецких терминов для наименования лесного ведомства и его чиновников.

В инструкции «О правилах обращения с лесами» 1732 года впервые упоминается о вызове из Германии специалистов лесного дела, так называемых «форштмейстеров». Им был поручен «надзор за всеми подчиненными и засеянными пространствами, и поручалось засеивать избранные участки». Каждому было придано по шесть учеников, «с тем, чтобы обучать оных ходить за лесами не скрывая ничего»².

Специфика развития горнозаводского Урала потребовала введения новой иерархической системы классов чинив для государственных служащих горного ведомства.

С начала 30-х гг. XVIII в. был поднят вопрос о приравнивании горных чинив «для лучшего порядку и поощрения наукам» к военным чинам. В 1734 году В.Н. Татищеву удалось этого добиться, внося ряд поправок в предложения В.И. Геннина с той целью, чтобы «иметь Обер-бергамту власть за прилеж-

ность и верность прибавлять, а за леность и дерзость убавлять классные чины»³. Так как лесное хозяйство играло важную роль на горных заводах, названия лесных чинив также вошли в «Табель горных чинив на уральских и сибирских заводах».

Согласно этому документу наименование лесного чиновника XII класса – вальдмейстера по «Табели о рангах» было заменено на новое – «форштмейстер». В системе управления горнозаводской промышленностью государственный служащий этого ранга входил в состав окружного горного начальства. Так как «Табель горных чинив» была приравнена к классным военным чинам, то должность форштмейстера стала соответствовать чину поручика.

К «надзиранию лесов, приему дров и угля» на уровне заводской конторы были определены шихтмейстеры – горные чиновники XIV класса. Горные служащие этого ранга были приравнены к прапорщикам. В XVIII веке за горнозаводскими лесными чиновниками XIV класса закрепилось звание вальдмейстеров.

В подчинении заводского вальдмейстера находились унтер-шихтмейстеры. Они не имели класса по «Табели о рангах» и их статус соответствовал унтер-офицерским чинам⁴.

Следует отметить, что одновременно с введением «Табели горных чинив» В.Н. Татищев сделал попытку русификации горных терминов. Это было связано с «засилием немецких наименований горных учреждений, назва-

¹ Рожков В. Деятельность капитана артиллерии В.Н.Татищева на Уральских заводах в царствование Петра I. СПб., 1884. С. 28-29; Козлов А.Г. Татищев и заводское строительство на Урале// Материалы к биографии В.Н. Татищева. Свердловск, 1964. С. 71.

² Арнольд Ф. К. Лесоводство в Германии, Франции и России. СПб., 1895. С. 211-212.

³ Земцов В.Н. Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992. С. 32-33.

⁴ ПСЗ. Т. 44. Книга штатов. Отд. 4. С. 34; Кривоногов В.Я. В.Н. Татищев о «Табели горных чинив» // Уральский археографический ежегодник за 1973 г. Свердловск, 1975. С. 5-6.

ниях инструментов и чинов» вследствие прямого заимствования достижений западноевропейской науки.

По его мнению форштмейстеров следовало называть «лесными управителями», шихтмейстеров «при лесных делах» – «надзирателями лесов». Но попытка «избавить русский язык от введенных иностранными специалистами немецких наименований горных чинов» не получила одобрения со стороны правительства¹.

Согласно данным В.И. Геннина в 30-х гг. XVIII века на 11 казенных горных заводах к «надзиранию лесов и приему дров и угля» было назначено восемь надзирателей, шесть из которых имели должность шихтмейстера (чин XIV класса). Половина вальдмейстеров, помимо «смотрения за лесами», была определена к «плавильным делам, в помощь гитенфервалтеру (заводоуправляющему) и молотчучу»².

Горные чиновники, и горнозаводские лесничие в том числе, находились на привилегированном положении. Все расходы на их содержание определялись заводскими штатами³.

Лесные смотрители по штатам 1737 года получали 46 рублей окладного жалования в год, унтер-шихтмейстеры – 36. Угольные мастера трудились сдельно, они получали по три четверти копейки с каждого короба угля. По штатному расписанию Пермских заводов

1757 года жалование саксонского угольного мастера составляло 156 рублей⁴.

Размеры жалования не могли полностью обеспечить жизненные потребности лесных надзирателей. Нехватка денежных средств толкала их к лихоимству и взяточничеству. В.И. Геннин отмечал большое количество злоупотреблений в лесном хозяйстве на горных заводах. Обычной практикой для горнозаводских лесных служащих было «пьянство в урочное время и тиранские поступки (по бои) над лесными работниками за малую вину мимо ведения Обер-бергамта».

Наиболее ярко В.И. Геннин осветил злоупотребления, имевшие место на Полевском медеплавильном заводе, совершенные лесным надзирателем Мартьяниновым. Заводской вальдмейстер систематически брал взятки с приписных крестьян, назначенных к лесным работам, за отпуск их с завода по домам. «Невыполненные уроки» – нормы по приготовлению и перевозке угля и лесных припасов перекладывались на менее зажиточных крестьян, не имевших средств откупиться от лесничего⁵.

В феврале 1758 года в Канцелярии главного заводов правления при лесной экспедиции была учреждена должность «главного смотрителя над здешними и всеми заводами ранга капитанского», которая соответствовала IX классу «Табели о рангах»⁶. Эту должность, в соответствии с положениями «Табели горных чинов» 1734 года, имел право занимать горный офицер в чине обер-гитенфервалтера или бергмейстера.

В 1760 году «Табель горных чинов» В.Н. Татищева, в которую входили горнозаводские

¹ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. М., 1953. С. 44.

² Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. // Под ред. Павлова М.А. М., 1937. С. 442, 453, 458, 472-473, 485, 498-499, 519, 534, 539, 557, 562, 577.

³ Козлов А.Г. Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII – начала XIX века // Вопросы истории Урала. Вып. 11. Свердловск, 1970. С. 63.

⁴ Планер Д.И. Историко-статистическое описание округа Пермских казенных медеплавильных заводов // Пермский сборник. Кн. 1. Отд. 3. М., 1859. С. 31

⁵ Геннин В.И. Указ. соч. С. 366-368.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 493. Л. 135.

лесные чиновники, была закреплена на общероссийском уровне.

После публикации в феврале 1762 года «Грамоты о вольности дворянству» в лесном ведомстве произошли большие изменения социального облика лесничих. Так как дворянам была отменена обязательная государственная служба, их количество на горных заводах резко сократилось.

После губернских реформ тенденция к снижению доли дворян среди уральских горнозаводских лесничих усилилась. Отток дворян был вызван появлением новых учреждений, для которых требовалось большое количество мелких канцелярских служащих. Государство было вынуждено допускать так называемых разночинцев в аппарат управления уральской горнозаводской промышленностью. Этому способствовала система чиновпроизводства, основы которой были заложены «Табелью о рангах», защищавшей интересы дворянского сословия.

В 1781 году на Урале управление горнозаводской промышленностью было передано губернским казенным палатам.

Все это привело к катастрофическим последствиям, так как престиж службы в горном ведомстве, а, следовательно, и в институтах, ведавших лесным хозяйством на заводах, был подорван. Работа на заводах требовала определенных знаний, опыта, была сопряжена с лишениями и ответственностью, вознаграждение было меньше, чем в гражданских ведомствах. Гражданская служба стала более привлекательной, и горные офицеры начали уходить с заводов. «На место заводских управителей стали определять унтер-шихтмейстеров, людей не имевших должного опыта и знаний»¹. Подобная ситуация сложилась и с горнозаводскими лесничими.

¹ См. Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб., 1900. С. 43.

Записи о прохождении военной службы горнозаводскими лесничими встречаются крайне редко. При уходе с военной службы чиновник имел право на присвоение очередного чина. В первую очередь это относилось к дворянам, которым полагалось повышение «по одному рангу», прослужившим в прежнем чине более одного года. Если дворянин желал перейти из военной службы в статскую, то при наличии вакансии мог получить увольнение от военной службы с награждением чином в случае, «если три года в одном ранге состоял»².

Архивные материалы позволяют представить социальный состав уральских лесничих горного ведомства во второй половине XVIII века.

Подавляющее большинство заводских вальдмейстеров – 53 % происходило из заводских и мастеровых детей, из обер-офицеров – 20 %, из солдатских – 10 %, из приказнослужительских и канцелярских – 7 %, остальные из церковноприходских, иностранцев и дворян.

Доля классных чиновников в горнозаводском лесном ведомстве на Урале составила 56.7 %. Наиболее многочисленной была группа чиновников XIV класса – 35.2 %, количество подпоручиков (XIII класс), поручиков (XII класс) было равным – по 17.6 %, горных офицеров «капитанского ранга» (IX класс) – 12 %, чиновников X, XI и VIII классов – насчитывалось по 6 %. Средний показатель возраста классных чиновников составлял 46 лет, а их средний срок службы на горных заводах – 26 лет.

Число заводских служащих, определенных «к надзору за лесами», но не имевших классных чинов, в последней четверти XVIII в. достигло 43.3 %. В том числе унтер-

² ПСЗ. Т. 15. № 11444.

шихтмейстеров всех трех классов насчитывалось по 30,8 %, доля штейгерских и других горных учеников составляла 7,6 %. Средний возраст этой группы составлял 30 лет, срок службы – 15 лет¹.

При изучении социального облика уральских лесничих второй половины XVIII века особое внимание следует уделить вопросам кадрового обеспечения горнозаводского лесного ведомства, ротации его чиновников.

«Тяготы и большие лишения», связанные с необходимостью совершать в любое время года и при любой погоде систематические обходы лесов, приписанных к заводам, отнюдь не способствовали увеличению числа желающих быть лесничими. Это привело к большой текучести кадров в рассматриваемый период. Подавляющее большинство – 82,2% чиновников «исполняло вальдмейстерскую должность» не более одного-двух лет. 10 % горных служащих «надзирали за лесами» в течение пяти-шести лет. Лишь 7,8 % – находилось «у смотрения за лесами» более двадцати лет.

Образование зависело от сословного происхождения и существенно влияло на получение должностей, на служебную карьеру. Подавляющее большинство заводских вальдмейстеров в рассматриваемый период получили образование в школах при горных заводах, только губернский секретарь А.М. Казаков закончил Морской кадетский корпус².

Выходцы из податных сословий (даже при наличии начального образования) при поступлении в горнозаводское лесное ведом-

ство могли рассчитывать на получение низших чинов – угольных учеников. Так, С. Задорнов, после поступления на заводскую службу угольным учеником и смотрителем лесов, получил чин унтер-шихтмейстера через 25 лет беспорочной службы³.

Преставление о размерах жалования дают штаты учреждений. Они зависели от должности занимаемой лесным смотрителем, от значимости учреждения, в котором они служили. Разное жалование получали чиновники горнозаводского лесного ведомства, занимавшие должности, находившиеся в одном классе, не только в зависимости от принадлежности того или иного учреждения к региональному, окружному или местному (заводскому) уровню управления. Большое значение играла роль, которую имело это учреждение внутри того звена, составной частью которого оно являлось. Этим обуславливалась высокая степень дифференциации размеров окладов чиновников.

Жалование служащих горнозаводского лесного ведомства на Урале было скромным. Минимальные оклады получали унтер-шихтмейстеры в вальдмейстерских должностях. В 1797 году их размер на уровне заводских контор составлял 86 рублей в год. В том случае, если при этом заводе находилось горное начальство, доход унтер-шихтмейстера доходил до 92-96 рублей в год⁴.

Ежегодный оклад вальдмейстера горного округа зависел от чина, который он занимал. Так, губернский секретарь (XII класс) А.М. Казаков, возглавлявший на рубеже XVIII–XIX вв. Екатеринбургскую лесную экспедицию, получал 180 рублей⁵. Доход вальдмейстеров Богословских и Камско-Воткин-

¹ ГАПК. Ф. 544. Оп. 2. Д. 2. Л. 9, 14, 20-22, 30; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2330. Л. 99-102; Д. 2627. Л. 52-55, 150-155, 175, 162; Д. 2631. Л. 5, 150, 155, 559, 669; Д. 2634. Л. 58; Д. 2873. Л. 5-10, 25, 619.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2627. Л. 30; Д. 2631. Л. 14, 22, 30, 36, 41, 136; Д. 2633. Л. 498-500; Д. 2670. Л. 14, 24, 31.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Л. 2627. Л. 52-55.

⁴ Там же. Л. 152-155.

⁵ Там же. Д. 2631. Л. 5, 41, 136.

ских заводов, гитенфервалтеров IX класса, составлял 343 рубля 4 копейки¹.

Материальное положение уральских горнозаводских лесничих в конце XVIII в. следует рассматривать с точки зрения соотношения курса рубля и цен на товары первой необходимости. В XVIII веке общероссийские цены на продукты питания (10-15 копеек – за пуд хлеба) были невысокими, и такое жалование относительно не было нищенским².

В 1768–1786 гг. курс ассигнационного рубля практически равнялся серебряному, но с увеличением выпуска денежных ассигнаций его курс начал падать. В результате с 1795 года его курс колебался в пределах 65-80 копеек серебром.

Однако на Урале цены были более высокими из-за неблагоприятных условий для земледелия, пуд ржаной муки в среднем стоил 27-28 копеек. Большинство сельского населения, приписанного к уральским горным заводам, было занято на лесных работах. Задержки во время лесных работ и куренной операции зачастую приводили к срыву посевной. В этих случаях цены на продукты питания вырастали в несколько раз. Так, в 1796 году стоимость ржаной муки выросла до одного рубля 20 копеек, в апреле 1797 года она снизилась до 85 копеек.

Это приводило к ухудшению имущественного положения чиновников уральского горнозаводского лесного ведомства. В таких условиях прожить на одно жалование было практически невозможно, бедственное положение вальдмейстеров толкало их на совершение многочисленных злоупотреблений.

Наибольшее распространение получили взятки, которые взымались за уменьшение «урока» приписным крестьянам, оформление разрешений на самовольную рубку леса в заводских дачах. Большой доход приносило участие в межевых работах, разрешении лесных споров между лесовладельцами. Решение вопроса в такого рода делах в пользу кого-либо напрямую зависело от размера взятки.

А.С. Ярцев во время своей поездки на Гороблагодатские заводы выявил многочисленные случаи «огурства» – злоупотреблений заводских вальдмейстеров. Так, на Нижне-Туринском заводе они «чинили произвол» в вопросах организации горнозаводского лесного хозяйства, что нередко приводило к остановке завода из-за их недостаточного обеспечения древесным топливом в «урочное время». На Кушвинском заводе было обнаружено более пяти тысяч коробов «старого прежних лет лежалого угля», испорченного временем и погодой вследствие непродуманных действий заводского лесного смотрителей. Часть угля при Серебрянском заводе была забракована по той же причине. Кроме того, на заводе отсутствовали заводские надзиратели унтер-шихтмейстерского звания и к должностям «употреблялись мастерские мальчишки и копиисты». На Гороблагодатских заводах были отмечены случаи «злоупотреблений с угольными подрядами», в ходе которых обирались приписные крестьяне, определенные на лесные работы и куренную операцию³.

В XVIII веке определенное внимание уделялось вопросам подготовки отечественных лесных специалистов.

По мнению С. Ведрова, в этот период в лесном ведомстве Российской империи по-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1804. Л. 212-212об; Д. 1808. Л. 42, 67.

² Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 4. С. 148-149.

³ Лесенко Д. Материалы для истории горного промысла в России. Горный журнал. 1883. № 280, 288, 297-303.

явились две основные категории лесных чиновников.

В первую категорию вошли вальдмейстеры, которые, не имея специального образования, являлись доверенными выборными из дворян. Во вторую вошли форштмейстеры как лесные специалисты¹.

Несмотря на это, подготовленных кадров по-прежнему не было. Приезжавшие из Западной Европы «лесные знатели» не знали русского языка, и зачастую уезжали на родину, успев лишь научиться говорить по-русски. Это приводило к низкому качеству обучения отечественных лесоводов лесным наукам.

Поэтому в 1773 году было решено организовать курсы по подготовке лесных специалистов. Они были учреждены при Обер-егермейстерском корпусе, количество учеников («ягд-пажей») было определено в десять человек из дворян «для образования их к должностям при этом корпусе и к форштмейстерским делам». Курс обучения был рассчитан на четыре года, в течение которых воспитанникам преподавали «форштмейстерство, знание лесоохранительное». После завершения обучения молодые специалисты должны были определяться «при егермейстерской конторе и на вальдмейстерские места».

Но, несмотря на выделение денежных средств на воспитание пажей, эти курсы так и не были открыты.

В 1799 году в России была сделана еще одна попытка организовать специальное лесное образование. С этой целью четверо воспи-

танников Морского Шляхетского корпуса «было отправлено в Англию для обучения, как разводят там леса при королевских рощах, из коих английские флоты снабжаются лесами». В Россию вернулись только двое – Блоков и Тихонов. Они получили звание ученых форштмейстеров и были отправлены в Казань для разведения корабельных лесов.

Последняя попытка в XVIII веке учредить учебное заведение для подготовки лесных специалистов была сделана указом в марте 1800 года, когда при Морском кадетском корпусе был основан форштмейстерский класс для обучения некоторых кадетов лесным наукам. Деньги на его содержание отпускаясь из сумм Лесного Департамента².

Таким образом, в XVIII веке началось формирование социального слоя лесных чиновников в уральской горной администрации.

Основным содержанием первой половины XVIII века является оформление иерархии чинов горноуральских лесничих, закрепленной «Табелью о рангах». «Табель горных чинов» привела ее в соответствие с системой чинов горного ведомства.

На протяжении всего XVIII столетия в социальном облике лесничих произошли определенные изменения, связанные с повышением доли выходцев из податных сословий. Однако высокая текучесть кадров в горнозаводском лесном ведомстве, отсутствие лесных специалистов позволяет сделать вывод о том, что в этот период лесничие не выделились в отдельную группу от горных чиновников.

² Грахов Я. Историческое обозрение мер правительства к образованию лесничих // Журнал министерства государственных имуществ. 1844. Ч. 9. Отд. 2. С. 1-3; Краткий очерк развития Санкт-Петербургского Лесного Института // Под ред. П.Н. Вереха. СПб., 1903. С. 3-4.

¹ Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878. С. 174.